

УДК 94(5-191.2)

РОЛЬ РОССИИ В ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

И.В. Волков

Рассматриваются характеристика и оценка роли царской России в исторических судьбах народов современной Центральной Азии.

Ключевые слова: Россия; царизм; исторические судьбы; народы Центральной Азии; мусульмане.

THE ROLE OF RUSSIA IN THE HISTORICAL DESTINY OF CENTRAL ASIAN PEOPLES: HISTORIOGRAPHIC ASPECT

I. V. Volkov

The article regards problems of description and estimation of the role of Imperial Russia in the historical destiny of modern Central Asian peoples.

Keywords: Russia; tsarism; historical destiny; Central Asian peoples; Moslems.

Писать о роли России в исторических судьбах народов современной Центральной Азии (т. е. Средней Азии и Казахстана) в преддверии 100-летия восстания 1916 г. в царистском Туркестане, конечно же, весьма проблематично. Но мы полагаем, что именно сейчас следует поднимать этот вопрос. Прошло почти четверть века после распада СССР, многое изменилось как в самой нынешней России, так и в молодых независимых и суверенных государствах, возникших на обломках Советского Союза. Драматические события в Украине 2014–2015 гг. придают проблеме остроту. В странах Центральной Азии тоже происходят процессы, способствующие ее переосмыслению – фактически все они в той или иной мере сотрудничают с Россией в рамках организаций ЕАЭС, ШОС, ОДКБ и др. Думается, что пришла пора “переоценки ценностей” и в затронутом нами вопросе.

Как известно, в советской исторической литературе присоединение Средней Азии, в том числе, разумеется, Южного Казахстана, к России расценивалось однозначно как событие великого и судьбоносного значения. Вместе с тем советские авторы неизменно указывали, что В.И. Ленин называл царскую империю “тюрьмой народов”, что российское самодержавие угнетало их, лишало прав на достойное существование. Трудно сказать, чтобы такого рода выводы были необоснованными и идеологически политизированными. Историки

союзных республик Средней Азии и Казахстана в своих трудах сами убедительно доказывали, что присоединение Туркестана к России носило прогрессивный характер и повлекло за собой огромные позитивные последствия для всех сфер жизни региона, что роль России в исторических судьбах всех народов была велика.

Объективный подход к анализу рассматриваемого процесса показывает, что так оно и было. Ранее отсталый во всех отношениях регион после вхождения в состав России стал ускоренно развиваться, интенсивно втягиваться в орбиту капиталистических рыночных, товарно-денежных и иных отношений, а его этносы, в отличие от мусульманского населения соседних стран (Западного Китая, Афганистана, северо-западных провинций Британской Индии, Персии и др.), стали быстрее приобщаться к условиям более передовой цивилизации. Конечно, этот процесс не был беспроблемным. Известный российский туркестановед, профессор П.П. Литвинов писал о том, что “неожиданность присоединения и быстрота действий России в Средней Азии обусловили то, что царское правительство не успело и не смогло адекватно на них реагировать, т. е. разработать ясную, четкую, продуманную и долговременную программу взаимоотношений со среднеазиатским мусульманским населением” [1, с. 249–250].

На наш взгляд, окончательно сформированная и выверенная подобного рода “программа” царизма по отношению к народам Средней Азии и Казахстана так и не была создана, что породило немало негативных последствий для его политики в этих районах Азии. Естественно, что это не могло не снижать роль России в вышеуказанных исторических судьбах. Сегодня политические просчеты царизма в Центральной Азии стали мишенью для критических эскапад со стороны националистически ориентированной историографии в молодых независимых и суверенных государствах этого региона (бывших союзных республиках СССР).

Следует отметить, что такой ее настрой во многом подогревается историографией сталинского периода, когда, руководствуясь “Кратким курсом истории ВКП (б)”, осуществлялась массивная (можно сказать, ожесточенная) критика царизма как создателя “тюрьмы народов”, обвинявшая его во всех смертных грехах и, понятно, не видевшая в его политике в Центральной Азии никакого позитива даже там, где он явно и убедительно просматривался. Сейчас, обращаясь к работам сталинского времени, историки-националисты из стран региона задают вопрос российским специалистам: “А разве не вы сами писали об угнетении и издевательствах наших народов в царский период?” И, к сожалению, часто бывает трудно ответить на этот вопрос, тем более что действительных специалистов по истории дореволюционной Средней Азии сегодня можно, образно говоря, сосчитать по пальцам. Например, нынешняя российская учебная историческая литература вряд ли сможет ответить на такой вопрос, так как в некоторых изданиях вообще не говорится о том, когда, как и зачем была присоединена Средняя Азия к России [2]. Понятно, что проблема роли России в исторических судьбах народов Центральной Азии в них вообще не рассматривается.

Российские исследователи В.А. Федоров, В.И. Моряков и Ю.А. Щетинин пишут о том, что “среднеазиатские ханства были объектом соперничества между Россией и Англией, которое во второй половине XIX в. значительно обострилось. Этот регион представлял для России большой интерес как рынок сбыта ее промышленных товаров и источник сырья для текстильной промышленности” [3, с. 267]. Они отмечают, что “в мае 1864 г. началось наступление на Кокандское ханство. Почти одновременно навстречу друг другу выступили отряд полковника М.Г. Черняева численностью 2500 человек с востока из крепости Верный и отряд полковника Н.А. Веревкина в числе 1200 человек из крепости Перовской” [3, с. 267]. Однако здесь не все верно. Во-первых, наступление на Кокандское ханство началось еще в 1850 г., когда

русские войска пытались взять кокандскую крепость Таучубек в Заилийском крае. Первая попытка не удалась, но в 1851 г. эта крепость была взята русскими. В 1853 г. русские войска уже зимовали на р. Талгар. В этом же году русские взяли кокандскую крепость Ак-Мечеть. В середине 1850-х гг. киргизы и казахи Семиречья приняли российское подданство. В 1859 г. русские устроили крепость Кастек, а в 1860 г. взяли кокандское укрепление Токмак в Чуйской долине. Чуть позже (4 сентября 1860 г.) было разрушено кокандское укрепление Пишпек. Кокандцы восстановили укрепление, но в октябре 1862 г. оно уже окончательно было взято русскими. В октябре 1860 г. русские войска разбили кокандцев в местности Узун-Агач, в Семиречье. На отвоеванных у кокандцев территориях в 1862 г. был образован Алатавский округ [4, с. 593–597]. В 1863 г. русские взяли крупную кокандскую крепость Куртка (на Центральном Тянь-Шане). Во-вторых, отряд М.Г. Черняева двинулся не из крепости Верный, а из лагеря под Токмаком, который отстоял от Верного на расстоянии около 250 верст. Также авторы пишут о том, что Черняев в 1864 г. взял крепости Аулие-Ата и Чимкент, а Веревкин – г. Туркестан. Любопытно, что, в отличие от других, они не говорят о том, что летом 1865 г. Черняев взял Ташкент без “разрешения” Петербурга, а просто констатируют этот факт [3, с. 267]. Наряду с этим историки пишут о присоединении Туркмении, о возникновении русско-английских антагонизмов по этому поводу, кратко характеризуют даже “Памирское разграничение” 1895 г., однако нигде не дают никаких конкретных оценок роли России в исторических судьбах народов Туркестана. Ограничиваются лишь указанием на то, что “в присоединенной к России Средней Азии было создано новое административное устройство. Она была разделена на пять областей, объединенных в Туркестанское генерал-губернаторство. Управление носило военный характер” [3, с. 166].

В другом своем труде В.А. Федоров пишет о том, что “продвижение России в Среднюю Азию диктовалось экономическими, политическими и военно-стратегическими мотивами. Среднеазиатский регион представлял для России большой интерес как рынок сбыта ее промышленных товаров и источник сырья для текстильной промышленности. Эти территории служили и объектом соперничества между Россией и Англией, которое во второй половине XIX в. значительно обострилось. Для России Средняя Азия являлась важным стратегическим плацдармом для укрепления своих позиций на Среднем Востоке и противодействия Англии в этом регионе” [5, с. 161]. Мы считаем его мнение, безусловно, правильным и даже бес-

спорным, хотя здесь он тоже не выделяет проблему оценки роли России в исторических судьбах коренных этносов дореволюционной Средней Азии.

О присоединении Средней Азии к России пишут и другие весьма авторитетные специалисты, но в самом общем плане [6, с. 262–264]. Они приходят к выводу о том, что “присоединение Средней Азии можно оценивать по-разному. С одной стороны, эти земли в основном были завоеваны Россией. На них установился полуколониальный режим, насаждаемый царской администрацией. С другой стороны, в составе России среднеазиатские народы получили возможность ускоренного развития. Было покончено с рабством, наиболее отсталыми формами патриархальной жизни и феодальными усобицами, разорявшими население. Русское правительство заботилось об экономическом и культурном развитии края <...> Царская администрация считалась с особенностями края, проявляла веротерпимость и уважала местные обычаи” [6, с. 263–264]. Здесь, безусловно, просматривается вопрос о роли России в жизни коренного населения Туркестана, но он не развивается авторами в полной мере с теоретико-исторических позиций.

Обратимся теперь к тому, как относится к рассматриваемой нами проблеме историческая литература в странах ближнего зарубежья. С ней мы знакомимся во время пребывания (достаточно продолжительного) в постсоветской Центральной Азии. На наш взгляд, наиболее верную, взвешенную позицию в рассматриваемом отношении проявляют историки из Кыргызстана, особенно представители “старой школы”. В этой республике среди студентов вузов пользуется большой (и заслуженной) популярностью учебник, написанный выдающимися специалистами – членами Национальной академии наук Д.Д. Джунушалиевым и В.М. Плоских [7]. Они подробно излагают события, связанные с присоединением Средней Азии к Российской империи [7, с. 160–168]. Но что самое главное, в учебнике дается специальный раздел “Значение и последствия присоединения Кыргызстана к России”, в котором по-научному честно, объективно и беспристрастно оценивается это историческое явление. Авторы находят его прогрессивным и судьбоносным. Вместе с тем, на наш взгляд, они правильно пишут о том, что “раскрывая процесс присоединения к России, нельзя обелять и приукрашивать или идеализировать колониальную политику царизма. Ведь эта политика была продиктована интересами правящих классов – помещиков, капиталистов, преследовала свои экономические и военно-политические цели. И с ними были вполне солидарны бай-манапские слои кыргызского общества. Царизм нес кыргызскому

народу национально-колониальный гнет, дополнявшийся гнетом своих феодалов-эксплуататоров. Присоединившись к многонациональной России, кыргызский народ не освободился от угнетения и эксплуатации и не получил ни национальной, ни социальной свободы” [7, с. 169–170].

Несколько иначе расценивает роль России в жизни народов Средней Азии и Казахстана кыргызстанский историк О.Дж. Осмонов. Он пишет о том, что “в сложившейся к 30–60 гг. (XIX в. – И.В.) международной обстановке планы России завладеть Туркестаном имели прежде всего политическую подоплеку, так как для нее в то время торговля с Туркестаном не представляла большой выгоды. Вплоть до конца XIX в. объем вывозимых из Туркестана товаров намного превышал обратные поступления из России. Следовательно, как рынок сбыта и источник сырья Туркестан представлял для России в то время второстепенный интерес” [8, с. 272]. По его мнению, в активизации экспансии России в Среднюю Азию “стимулирующим фактором были предпринимаемые соседними восточными странами и Британской империей попытки захватить Туркестан, в том числе и Кыргызстан. Понимая важное политико-стратегическое значение Туркестана, Россия прикладывала все усилия, чтобы опередить другие страны, особенно Британию, и самой утвердиться в регионе” [8, с. 272]. Но при этом он пишет о том, что Россия стремилась завладеть Туркестаном, “чтобы успешно противостоять английской торговле” [8, с. 273]. И он все же отстаивает свою точку зрения, отмечая, что “в борьбе с Англией за лидерство в Центральной Азии приоритетное значение имели политико-стратегические мотивы. Дело в том, что, хотя крепостное право юридически было отменено еще в 1861 г., на деле страна перешла к капиталистическим отношениям только в 1890-х гг. Поэтому в 1860-х гг. торгово-экономические интересы России в Азии еще не стали одним из основных стимулирующих факторов” [8, с. 275]. Поэтому он делает соответствующий вывод: “Туркестан стал объектом колониальных устремлений России в силу сложных переплетений политико-экономических интересов, в которых преобладающее значение имели политические мотивы” [8, с. 275]. И в итоге опять возвращается к своей “идее фикс”, указывая: “Таким образом, Туркестан как средоточие политико-экономических интересов, в которых преобладали политические, стал в 30–60-е гг. XIX в. одним из главных объектов русской колонизации” [8, с. 275].

В таких выводах О.Дж. Осмонова мы усматриваем явно идеалистический подход и методологическую незрелость автора. Еще В.И. Ленин писал о том, что “политика есть концентрированное выражение экономики”. И с его мнением

ныне вполне согласны и западные историки, рассматривая экономический фактор как определяющий в любой политике – внутренней и внешней. Выходит, О.Дж. Осмонов полагает, что не “бытие определяет сознание”, а наоборот. Но с таким методологическим багажом заниматься написанием вузовских учебников – дело заведомо безнадежное и провальное. Однако у О.Дж. Осмонова, образно говоря, не все блины комом. Так, например, он пишет о том, что “войдя в подданство Российской империи, кыргызский народ через посредство русского и других народов, подвластных России, получил возможность приобщиться и к европейским передовым достижениям культуры. На новом уровне стала развиваться национальная письменность Кыргызстана. Несмотря на известный шовинистический настрой колониальных властей, начала проводиться реформа образования и здравоохранения. Получила развитие сеть светских и религиозных учебных заведений и культурно-просветительных учреждений. Начали издаваться учебники и первые научные труды, художественные произведения на кыргызском языке” [8, с. 341]. И в этом выводе, безусловно, даровитого кыргызстанского историка отчетливо просматривается именно проблема роли России в исторических судьбах народов Центральной Азии дореволюционного периода.

Ничего подобного мы не находим в трудах многих казахстанских историков. Например, казахский историк М. Козыбаев в советский период писал то, что казалось ему не столько научным, сколько политически требуемым. С обретением Казахстана независимости 60-летний историк, бывший преданный член КПСС, вскоре стал быстро дрейфовать подальше от своих бывших убеждений и превратился в “придворного” историка режима Н.А. Назарбаева. Так, в 1998 г. он писал о том, что “по-прежнему остается приоритетной проблема вхождения Казахстана в состав Российской империи. Прежде всего, следует отказаться от термина “присоединение”, ибо в дореволюционной до- (? – И.В.) и советской историографии он предполагал некоторую законность колониальных захватов” [9, с. 20].

Поразительно, что ему не стыдно было писать об этом, когда есть документы, подтверждающие окончательно и бесспорно то обстоятельство, что в 1730-х гг. казахские ханы сами запросились в подданство России! Достаточно заглянуть в Полное собрание законов Российской империи. Поэтому если и отказываться от термина “присоединение”, то только в пользу термина “добровольное вхождение”. Можно доказывать все что угодно, однако никто не сможет опровергнуть того неопровержимого факта, что основные территории нынеш-

него Казахстана вошли в состав России по просьбе ханов Малого и Среднего жузов [10]. Есть документы, это подтверждающие.

Между тем М. Козыбаев пишет: “Таят много сюрпризов русско-джунгарские отношения в 20–30-е годы XVIII столетия, когда казахский народ, истекая кровью, вел Великую Отечественную войну с джунгарами” [10]. Нам понятно, на что намекает “титан” постсоветской казахской историографии, но возникает вопрос: разве то, что Россия отозвалась на просьбы казахов о добровольном вхождении в ее состав, не является доказательством спасительной, а значит, великой роли России в исторической судьбе казахского народа? Желая зла казахам, она оставила бы их просьбы о вхождении в состав империи без удовлетворения. И можно только представить себе, чего натворили бы еще в казахской степи джунгары, если бы казахи в таком случае остались одинокими и беззащитными? Разве не это и есть та правда истории, которую стараются “замылить”, “затереть” (а то и вообще стереть из памяти) историки типа Козыбаева и его присных?

Но главное заключается в ином. Противоречая самому себе, М. Козыбаев все же признает: “Обращаясь к Российскому трону о подданстве, он (Абулхаир. – И.В.) учитывал усталость народа от длительных истребительных войн, обескровленную экономику, внутренние раздоры и межродовые распри, борьбу за власть со стороны многочисленных, в основной массе инертных чингизидов, экономическую блокаду со стороны России (? – И.В.), геополитическое положение Казахстана, оказавшегося в окружении русских крепостей, казачьих поселений, джунгарских и волжских калмыков, среднеазиатских ханств и Цинской империи” [10, с. 20–21]. Вот как много разных обстоятельств перечислил Манаш Козыбаев! И “сам себя высек”, так как из них видно, что у Абулхаира был только один спасительный выход – просить российского подданства. Но он все же тужится доказать обратное, отмечая: “Нам предстоит доказать состоятельность концепции А. Букейханова, который на заре XX в. высказал идею о том, что “казахи, прижатые врагами к так называемой “Горькой линии”, были вынуждены признать власть русских” [10, с. 21]. И зачем при этом что-то доказывать, когда и без того все ясно?

Следует отметить, что воззрения М. Козыбаева разделяют многие казахстанские историки-националисты, и если мы здесь о них не пишем, то только из-за ограниченности рамок данной статьи. Вместе с тем мы признаем и то, что есть в Казахстане историки, достаточно объективно расценивающие факт добровольного вхождения Казахстана в состав России в 1730-х гг. и присоединение его южной ча-

сти к империи в 1860-х гг. Как правило, это “русско-язычные” специалисты. Так, например, казахстанские историки В.С. Осколков и И.Л. Осколкова пишут о том, что “присоединение Казахстана к России <...> определило ход его дальнейшего развития и содержало как положительные, так и негативные, а порой даже трагические явления в жизни казахского народа” [11, с. 4]. Они отмечают, что историю Казахстана периода его пребывания в составе Российской империи и СССР “невозможно рассматривать отдельно <...> События, происходившие в Российском (позднее в Советском) государстве <...>, оказывали основополагающее влияние на жизнь казахских и других народов, населяющих территорию Казахстана” [11, с. 4]. А основополагающее – значит, судьбоносное.

Вопрос о роли России в исторических судьбах народов Центральной Азии по-прежнему находится в сфере внимания как российских, так и зарубежных историков. То, что они по-разному оценивают его, вполне понятно. Сказывается государственная принадлежность, степень широты взгляда на прошлое, уровень научной зрелости и многое иное. Но пугает то, что во многих трудах проблема присоединения Средней Азии и Казахстана к России вообще не только не рассматривается, но даже не упоминается. Думается, что такой подход к нашей общей истории совершенно неправомерен и ненаучен.

Литература

1. Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане: 1865–1917 / П.П. Литвинов. Елец, 1998.
2. См. напр.: Дворниченко А.Ю. История России: учеб. для вузов / А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Тот, М.В. Ходяков. М., 2007; Чумаченко Э.Г. История России. 12 веков (IX–XX): учеб. пособие / Э.Г. Чумаченко. М., 2002; Мунчаев Ш.М. История России: учеб. для вузов / Ш.М. Мунчаев, В.М. Устинов. М., 2008, и др.
3. Федоров В.А. История России с древнейших времен до наших дней / В.А. Федоров, В.И. Моряков, Ю.А. Щетинов. М., 2010.
4. Высочайше утвержденное Положение об управлении Алауавским Округом. 25 декабря 1862 г. // ПСЗРИ-2. Т. 37. Отд. 2. СПб., 1865.
5. Федоров В.А. История России. 1861–1917 / В.А. Федоров. М., 2004.
6. См.: Орлов А.С. История России: учеб. для вузов / А.С. Орлов, В.А. Георгиев и др. М., 2006.
7. См.: Плоских В.М. История кыргызов и Кыргызстана: учеб. для вузов / В.М. Плоских, Д.Д. Джунушалиев. Бишкек, 2009.
8. Осмонов О.Дж. История Кыргызстана: с древнейших времен до наших дней: учеб. для вузов / О.Дж. Осмонов. Бишкек, 2008.
9. Козыбаев М.К. Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана: избранные труды / М.К. Козыбаев. Алматы, 2006.
10. См.: Жалованная грамота старшине Киргиз-кайсацкой Орды Эбулхаир-хану и всему войску – О принятии их в Российское подданство. 19 февраля 1731 г. // ПСЗРИ-1. Т. 8. СПб., 1830. № 5704; Грамота Похвальная Киргиз-кайсацкому Абдулхаир-хану – За приведение им в Российское подданство Большой Кайсацкой Орды также Аральского Хана. 9 апреля 1734 г. // ПСЗРИ-1. Т. 9. СПб., 1830. № 6567.
11. Осколков В.С. История Казахстана / В.С. Осколков, И.Л. Осколкова. Алматы, 2004.